

ТАГАНРОГСКИЙ ВЪСТНИКЪ

№ 19-й.

ЕЖЕДНЕВНАЯ

№ 19-й.

Телефонъ конторы № 85.

политическая и общественно-литературная газета.

Телефонъ редакціи № 85.

Годъ XXIX-й.

Четвергъ, 21 января 1910 года

Годъ XXIX-й.

Литературные отклики.

При огромномъ стеченіи публики, занявшей все входы, выходы, трибуну, наполнившей шумной толпой остальные залы клуба, происходило чествованіе памяти А. Чехова въ «Литературномъ Обществѣ» въ Петербургѣ.

Проф. Адриановъ въ небольшой, но прочувствованной рѣчи охарактеризовалъ время, въ которое жилъ и писалъ Чеховъ.

Послѣ подъема въ русской жизни, наступили 80-ые годы, а съ ними мракъ, безпросвѣтность и ползая безнадежность въ общественной жизни. Та жатейская тѣна, пошлость, скука, лѣнь, безпринципность и эгоизмъ, которые раньше пряталась гдѣ то по угламъ, теперь заполонили русскую действительность. Появились «хмурые люди», съ темными, хмурыми, больными мыслями и настроеніями. Все темное вылилось наружу и стало скучно и скверно жить.

Писатель огромнаго таланта съ душою нѣжной, красивой и мягкой, безстрашно подошелъ къ темной, навозной кучѣ и, не дрогнувъ, вскрылъ одинъ гнильничъ за другимъ. Безъ малѣйшей жалости и сантиментальности, глубоко затаивъ несомнѣнную внутреннюю боль, которую долженъ былъ чувствовать этотъ, ясный, чистый и гармонично созданный характеръ, конаясь въ пошлости и грязи, вырубалъ онъ, какъ скульпторъ изъ камня, свои произведенія. Его рука твердо и спокойно, ни разу не дрогнувъ, создавала „хмурыхъ людей“. И въ изумительная жизненность и вѣрность отъ этого только выиграла. Съ нимъ не случилось того, что было съ Авджело, когда онъ лѣпилъ статую Брута во Флоренціи. Эта статуя не закончена и на ней есть надпись, сдѣланная рукой скульптора. Онъ такъ перевоплотился въ Брута, что сталъ жить его чувствами и, испугавшись этого, не закончилъ работы. Этого не было съ А. Чеховымъ. Повесть хмурости и унылости, онъ былъ безпощадно реаленъ и правдивъ въ своемъ творчествѣ. И только тогда, когда русская жизнь изъ ухаба стала подниматься въ гору, въ 90-е годы, появляются проблески лиризма въ его произведеніяхъ. Робко мелькаетъ мысль, что если теперь жизнь плоха, то она стантъ хороша потомъ, когда нибудь черезъ 200—300 лѣтъ. И тогда: «мы отдохнемъ, дедъ Ваня, мы отдохнемъ... съ тобой».

Можетъ быть Чеховъ бы сумѣлъ бы стать пѣвцомъ счастливой жизни, онъ не сумѣлъ бы переродиться, онъ былъ творцомъ другого времени. Но это не умаляетъ его таланта, и теперь, когда мы опять въ ухабѣ, опять пытаемся взойти на гору, мы опять чувствуемъ его среди насъ и чтимъ его дорогую память.

Нѣсколько словъ о Чеховѣ сказала старая писательница Ольга Шапиръ. Но ея мнѣнію, въ творчествѣ этого писателя есть пробѣлы. Она прошептала намъ женскаго движенія и нагдѣ мы дадимъ намъ женщинамъ съ духовными запросами, женщины—матери.

Огрывая изъ произведеній Чехова читали артистка, Голдина, Е. Черикова, Лауринъ, Елизавета, артистъ Ходотевъ, князь Варянинъ и артистка Мворская. Послѣ чтения, по подавкѣ, былъ устроенъ ужинъ въ клубѣ.